

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Новая цель

Два месяца спустя, как прима-балерина Нина Бестужева влюбилась в выпускника Военно-политической академии имени В. И. Ленина, майора Полякова, она поняла, что забеременела.

Это событие поставило Нину Георгиевну перед выбором: сделать аборт и продолжать карьеру балерины, или — выходить замуж за красавца Полякова и рожать.

Бестужева выбрала второе, сохранив за собой прежнюю фамилию.

Молодожёны отправились из столичного мегаполиса в Дальневосточный гарнизон, где Природа одарила длинноногую танцовщицу двумя очаровательными близнецами.

Майор Поляков, как выпускник академии, получил очередное звание и полковничью должность заместителя командира по политической части крупного воинского подразделения...

...

Через два с половиной года после родов Ниночка Бестужева стала ощущать острую тоску по сценической жизни, что оставила, покинув столицу.

В гарнизоне она руководила довольно сносной танцевальной группой, пользующейся успехом в Приморском крае. Но это не могло заменить бывшей балерине прежних ощущений от ballet classique на большой сцене Кремлёвского дворца съездов и главного театра Москвы.

Нина Георгиевна с ностальгией вспоминала свои партии в Кармен, Баядерке, Ромео и Джульетте, Садко, Щелкунчике, Лебедином озере.

После того, как муж сообщил ей, что возможен его перевод в Московский военный округ, Нина Георгиевна воспрянула духом.

Конечно, слово «возможен», во временном отрезке понятие неопределённое, тем ни менее, мечты жены Полякова повторить прошлое, получили дополнительный тонус.

Когда дети определились в детский сад, она начала самозабвенно трудиться у танцевального станка, и, постепенно, добилась лёгкости в фуэте. Прыжки антраша достигли прежней высоты. В баллотте вернулось изящество. А пируэты и прочие па, становились на уровень её знаменитых сольных спектаклей.

После родов, Бестужева осталась стройной и гибкой. Правда, её грудь увеличилась, а бёдра — слегка расширились. Но, от этого, фигура Нины Георгиевны получила лишь дополнительную женственную привлекательность.

Многие из мужчин гарнизона завидовали подполковнику Полякову и тайно вздыхали по его красивой жене. Но, в большинстве своём, не желали портить отношения с влиятельным начальником. Как говорила полусуто, полусерьёз сама Нина Георгиевна: «Перевелись кавалеры среди нашего офицерства! Не любовь, а карьера у них на уме...»

...

Но случались дни, когда, фатальный спутник творческих личностей — депрессия, являлась к Нине Георгиевне «в гости». Тогда Нина Георгиевна искала спасение в общении с подружками по «несчастью» — с жёнами офицеров.

Более всего она сблизилась с супругой капитана Калинина, которая недавно устроилась на работу в, ещё не открытую гарнизонную библиотеку. Там велись, какие-то, ремонтные дела. И Леночка Калинина была занята ими уже более месяца.

И вот однажды, на праздновании 23-го февраля, Леночка Калинина, после солидной дозы шампанского, почти проговорилась, что ищет любовника, поскольку её капитан категорически против отцовства, а она, очень желает стать матерью. Так и сказала: «Я вот поуговариваю, поуговариваю, да найду себе оплодотворителя на стороне. Мужиков-то вокруг, о-го-го, сколько... — и после этого сильно покраснела.

Бестужева тут же заподозрила, что у этих планов есть реальные поползновения.

Несколько дней она пыталась предположить, кто из офицеров сумел стать фаворитом её абсолютно порядочной подруги.

Исходя из своих оценочных взглядов на мужские достоинства, жена подполковника составила длинный список возможных кандидатов (в основном из числа молодых лейтенантов и старлеев). Женатики в расчёт не брались, поскольку: «Не такая Ленка дура, что бы, имея выбор на три страницы, крутить роман с кем-нибудь из окольцованных мужей!»

Дома ли, в танцевальном классе, на прогулке с детьми, она постоянно раздумывала над возможными вариантами и философствовала о превратностях жизни, не забывая посетовать на судьбу: «Одни хотят иметь детей, и сталкиваются с трудностями; другим они ни к чему, так получают двойню!...»

В этих сомнениях и догадках, она жаждала иметь приватный разговор с Калининой. Он был просто необходим! Тем более что после 23-го, Леночку словно подменили. Она перестала поднимать телефонную трубку, не приглашала Бестужевых в гости. И, главное, избегала встречи с ЛУЧШЕЙ подругой! Этот факт был сам по себе уже серьёзным аргументом, что «нет дыма без огня!»

И — «Гора пошла к Магомету»!

Не куда-нибудь, а в библиотеку, справедливо полагая что, пока помещение не открыли для посетителей, более укромного местечка поболтать на интимную тему, во всём гарнизоне, не найти...

...

Елена Павловна Калинина ещё постанывала под напором неукротимого «Я», который разрабатывал девственную попу библиотечарши, когда в двери библиотеки постучали. Стоявшая раком Елена Павловна, застыла с беззвучно открытым ртом.

«Кто бы это мог быть? Неужели, муж!!!» — в ужасе подумала она и попыталась уползти от вставленного в неё «Малыша». Но «замок вязки» жопы с солдатским фаллосом был усилен железным захватом обеих титек и сбежать, от устроившегося позади попы ёбаря, женщине не удалось.

— Не порядок! — реагировал «Я» на эту попытку сбежать и заработал с утроенной скоростью, позволившей ему в течение двадцати секунд излить содержимое яиц в прямую кишку партнёрши. Лишь после этого жена капитана смогла принять вертикальное положение.

— Сволочь!... — прошипела Елена Павловна. — Скотина! Не слышишь, кто-то пришёл...

Женщина краем оконных штор торопливо вытирала внутреннюю сторону ног, промежность и болезненное очко. Отовсюду выпачкали пахучие смеси женских выделений и спермы.

— Конец — делу венец! — сказал довольный «Я», поглаживая ещё стоящего «Малыша». — Обсосать не желаете?

Голубые глаза Елены Павловны чуть не вылезли из орбит. Она набрала воздуха, что бы ответить хамоватому солдату, как следует, но времени на это уже не оставалось.

Одёрнув юбку (слава Богу, достаточной длины!), женщина затолкала груди с пятнами от

крепких захватов, под конусы лифчика, торопливо застегнула кофточку и, поправляя причёску, болезненной походкой (первый анал всегда такой), устремила к входным дверям. Рядовой Большаков, быстро занял место за рабочим столом. Лево́й рукой он взялся за частично написанный планшет, а правой — толкал в глубину галифе ещё упругий, не совсем чистый, лоснящийся член.

К моменту, когда Елена Павловна повернула защёлку накладного английского замка в сторону «открыть», рядовой уже корпел над продолжением текста «Морального кодекса строителя коммунизма». И никто бы не догадался, что всего минуту назад этот старательный солдатик, управляемый ипостасью «Я», «порхал» в плотненькой попке капитановой жены, которая никак не предполагала отдать эту часть тела для ебли.

«Боже! Какой срам позволить выебать себя ещё и ТУДА! Зачем? Ведь к зачатию ребёнка это не имеет никакого отношения...» — корила она себя, толкая дверное полотно входа.

С жутким предчувствием близкой катастрофы, Елена Павловна зажмурилась. (Что вполне могло сойти как защитная реакция на прямой солнечный свет).

Голос подруги: «До тебя не достучишься!» вернул Калининой возможность соображать.

— Ах, это ты... — сказала она с явным облегчением, что не укрылось от глаз заждавшейся Бестужевой.

— Ждала, кого-то другого?... — полушутя спросила Нина Георгиевна. — Уж не своего ли кавалера?... Ну, что застыла, как вкопанная? Так и будем стоять на пороге, или позволишь войти?..

Шагнув со свежего воздуха в непроветриваемое помещение, подполковница уловила запах недавнего секса. И сразу поняла всё, как это умеет понимать замужняя женщина...

...

Это был СЮРПРИЗ! Который перерос в невероятное удивление после того, как Бестужева увидела в библиотечном зале, ни какого-то из офицеров, а склонённого над планшетом солдатика, старательно изображавшего, что очень занят написанием текста!

Кроме него, других мужиком в помещении не было!

«А если, всё же офицер?... Поматросил и бросил?... Ушёл перед самым её приходом?... Но к библиотеке открытое пространство и выходящий был бы заметен... Нет! Кроме солдата, некому!... Слишком сильный был запах, слишком свежий. Сиюминутный...»

Охотничья стойка подруги, встряхнула Калининую, вывела из стрессового состояния.

Она увлекла нежданную гостью в подсобку, служившую гардеробной и комнатой отдыха, где Бестужева буквально прижала низкорослую подругу в угол:

— Ты, что... с НИМ?!... Ведь это...

Калинина протестующе подняла руки:

— С чего тебе такое на ум пришло?..

— Прекрати... — Нина Георгиевна хотела сказать «прекрати врать», но нашла другое, более благозвучное слово, — притворяться! У вас тут, на всю библиотеку, стоит ЗАПАХ РАЗВРАТА!

— Что?

— Вы тут только что ТРАХАЛИСЬ!

— ... ?

— Верно?

— ...

— Что молчишь?... Сказать нечего?

— Я хочу стать мамой, — нашла нужную фразу Калинина.

— Знаю! Но... Он же...

— Хочешь сказать «солдат»? Для моего будущего ребёнка это не имеет значения.

— Да... Конечно... Ты рискнула... Он что, так хорош собой, что ты забыло обратить внимание на его погоны?..

— Ты же видела...

— Видела! Что я видела? Скукожившегося над столом солдатика, с красными от стыда ушами... Не удивительно. Почти застучали на горячем... Тут любой стучуется...

— ...

— Боже! А если это была не я, а кто-нибудь другой?... Ты думала о последствиях?!... Разнесли бы сплетню по всему бы гарнизону!... Даже представить жутко...

— Ты же не такая...

— Само собой!... Но ты мне будешь должна. Я не о деньгах, а о подробностях. Договорились?... Слушай! Я хочу рассмотреть ЕГО, как следует. Давай пойдём в зал...

— Не сейчас...

— Верно. Пусть парень тоже придёт в себя... Да и тебе надо успокоиться.

Бестужева отступила от Калининой, сняла шубейку из лисы и поискала глазами, куда бы её повесить. — Чаёк найдётся?..

...

Женщины отсутствовали не менее получаса.

За это время, рядовой Большаков успел восстановить сердцебиение и закончить текст «Морального кодекса строителя коммунизма». Теперь он мог покинуть помещение библиотеки, но не был уверен, что это будет правильно. Потому задержался. Решил сначала укрепить планшет на место, где предполагалось его повесить.

За этим занятием его и застали подруги.

Первой из подсобки вышла высокая Нина Георгиевна. Она была в красном, облегающее её совершенное тело платье и напоминала манекенщицу из журнала мод. Сразу за ней, в длинной, слегка помятой юбке и в кофточке с многочисленным количеством пуговиц (две из них отсутствовали), появилась миниатюрная Елена Павловна.

Обе женщины остановились на выходе из дверей. Елена Павловна смотрела себе под ноги, а Нина Георгиевна откровенно рассматривала стоящего на стремянке солдата. Большакова поразила красота гостыи, которая в своём элегантном платье и полусапожках выглядела, как заграничное диво. Продолжая пялиться на женщину в красном, юноша спросил Елену Павловну, на том ли месте он собирается крепить законченный планшет? Елена Павловна кивнула. А Нина Георгиевна сказала:

— Вот вы какой, наш пострел!..

Эти слова вывели Большакова из созерцательного состояния.

— Какой? — спросил «Петрович».

Ловко спрыгнув со стремянки на пол и, быстрым движением обеих рук, убрав складки гимнастёрки вдоль ремня за спину, он не был похож на смущённого человека. Напротив, в отместку за недавно пережитое волнение, его вторая ипостась готовилась дерзить.

Нина Георгиевна чутко отреагировала на интонацию вопроса.

— Ладно, ладно, — примирительно сказала она и увлекла Елену Павловну назад в подсобку.

— Слушай, а ведь парень, действительно, хорош! — сказала Бестужева, сконфуженной подруге. — Не так смазлив, как мой Поляков, но в целом... Тип-топ, как говорит современная молодёжь. И донор для твоего ребёнка, нормальный. Одобряю.

Увидев, что Калинина вернулась в состоянии переживаний, и вот-вот расплачется, Нина Георгиевна заторопилась уходить.

— Мне, сейчас, тоже некогда... Надо успеть позаниматься... Давай, как-нибудь, посудачим обо всём этом на досуге. Жуть, как интересно! Ну, скажем, в воскресенье. В сквере возле Дома офицеров. Я там с мальчишками гуляю, и мы поговорим. В десять часов. Ладушки?

— Хорошо, — вынуждена была согласиться Елена Павловна.

Ей бы очень хотелось отказаться от такой встречи. Но реплика Бестужевой, что теперь она должница любознательной «подруги», лишала Калинину какого либо выбора.

Выйдя из подсобки уже в лисьей шубейке, которая очень шла к её высокой стати, Бестужева одарила Большакова белозубой улыбкой и сделала солдатику ручкой:

— Пока, проказник!..

Для жены капитана это же было слишком. Едва, за гостьей захлопнулась входная дверь, она прислонилась к стене и разрыдалась.

— Ну, что ты?... Что? — успокаивал Елену Павловну Большаков. — Не плачь, пожалуйста...

— Она всё знает... — рыдала в его объятьях Леночка. — Мне так стыдно...

— Успокойся, моя хорошая, — успокаивал безутешную Леночку Большаков. Он гладил девушку по голове и целовал в заплаканные глаза: — Не надо плакать...

— Она думала... что я... с кем-нибудь из офицеров... А, ты... обычный срочник... Потому сказала, что если офицерская жена с солдатом... это распущенность и безвкусице...

«Половая дискриминация! « — просигналил в голове Большакова «Борис».

«Солдат не мужик? « — там же возмутился «Петрович».

— И... может рассказать другим... — рыдала на груди Большакова Леночка. — Сказала, что теперь я её должница... Ой, мамочки... что же мне теперь делать?..

— Никому, ничего она не расскажет! — сказал Большаков решительно.

— П-п-почему? — подняла на недавнего любовника большие и влажные глаза Елена Павловна.

— Потому, что я её тоже выебу! — голосом Большакова прорычал плотоядный «Я». — И ты мне в этом поможешь!

Слово не воробей, вылетит — не вернёшь!

Елена Павловна, даже находясь в состоянии нервного расстройства, поняла, что ей предлагают сделку. Для молчания Бестужевой, она должна свести вот этого высокого, красивого парня, в гимнастёрку которого льются её горькие слёзы с Ниночкой Бестужевой. И не просто их познакомить, а содействовать склонению Бестужевой на секс с Большаковым. Алмазные слезинки мгновенно испарились, и в голубых озёрах слёз, свернули отчаянные молнии близкой грозы.

— За кого ты меня принимаешь?! — сказала она, отталкивая утешителя обеими руками.

— За человека, который нуждается в поддержке, — спокойно произнёс голосом Большакова «Борис». — Склонив шантажистку к прелюбодеянию с солдатом, мы лишим её возможности козырять информацией. Конечно, для этой цели можно поискать кого-нибудь другого. Но где гарантия, что тот, другой, сделает всё, как надо и не проболтается?..

Калинина слышала слова излагаемые её недавним любовником, но не могла знать, что они

возникают в голове солдата из диалогов его ипостасей (как разговор с самим собой), которых она, естественно, не могла видеть.

— Ты предлагаешь мне быть сводницей? Мерзавец! Это ниже человеческого достоинства! — бросила она в лицо Большакова.

— Есть другой способ не выпустить тайное в свет, — сказал «Борис». — Убийство...

Увидев, как расширяются глаза капитанши, «Петрович» неслышно хохотнул: «Вот умора, если это кукла поверит...»

— Прекрати так шутить! — крикнула Елена Павловна «защитнику». — Это аморально и подло по отношению, прежде всего, ко мне!

— Можешь предложить что-нибудь другое? — спокойно спросил Большаков.

Судя по выражению Леночкиного лица, назревал очень эмоциональный ответ, но Калинина справилась с собой и погасила возникшее напряжение неожиданным вопросом, который, в такую ответственную минуту, могла задать только очень интеллигентная девушка:

— А как же моральные принципы строителя коммунизма? — её зрачки стали с булавочную головку — чёрные точки в леденисто-голубой пустоте.

— Придётся их временно попать, — ответил голосом Большакова «Борис».

— Ни за что! — топнула ногой Елена Павловна и поморщилась от болевых ощущений в районе попы.

— Ну что ж! С вами, Елена Павловна, всё ясно. Вам, как говорят в народе — хотелось бы на что-то сесть, и соблюсти девичью честь! Только в жизни с этим прокол. Выбирать всегда придётся.

Калинина упрямо молчала.

Большаков обошёл обиженную девушку и двинулся к вешалке.

Надел шапку. Неспешно застегнул суконные полы шинели. Опясался солдатским ремнём. Ребром ладони проверил, совмещение звёзды на ушанке с центром лба. Глядя в сердитое лицо библиотекарки, промолвил:

— Рад был помочь... Захочется повторить — к вашим услугам! Как найти знаете. Но увольте от этих причитаний. Они меня не утомили, но пора идти на построение в казарму.

Козырнул и направился к выходу.

Рот Елены Павловны сжался в одну горестную складку:

— Я согласна, — произнесла она в спину уходящего Большакова.

Тот остановился и, не поворачиваясь, спросил:

— Это точно?

— Да...

— Вот и чудесно! — одобрила ипостась «Петрович». — Расскажи-ка, девушка, всё, что ты знаешь о своей бывшей подружке...